

Сергей Патрушев

Бермудский
Треугольник
Любви

Сергей Патрушев Бермудский Треугольник Любви

<https://litres.ru/74305419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса стоит на пороге идеальной свадьбы. Её жених Марк воплощение стабильности: успешный юрист, надёжный, предсказуемый, любящий по расписанию.

Казалось бы, вот оно тихое счастье о котором мечтают, но случайная встреча в кофейне возвращает в её жизнь Данила — бывшую первую любовь, человек-шторм, художник без тормозов и единственного мужчину, с которым она когда-то чувствовала себя по-настоящему живой.

Один дарит покой, другой пожар. Один — тихая гавань, другой — разрушительное цунами. Алиса оказывается в эпицентре собственного «Бермудского треугольника», где привычные ориентиры исчезают, а сердце отказывается подчиняться доводам рассудка.

Выбор между стабильностью и страстью оборачивается катастрофой, когда тайное становится явным и оба мужчины узнают правду. Это история о запретном притяжении, мучительном выборе и цене, которую приходится платить за

самообман, но главное — это история о том, что иногда нужно потерять всё, чтобы наконец найти саму себя.

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Патрушев

Бермудский

Треугольник Любви

Глава 1. Точка невозврата

Запах белых пионов заполнял комнату — густой, сладкий, почти удушающий, с едва уловимой горьковатой ноткой, какая бывает только у цветов, срезанных слишком рано. Он пропитывал тяжелые портьеры цвета слоновой кости, въедался в обивку банкеток, обволакивал всё пространство свадебного салона плотной, невидимой пеленой. Алиса стояла посреди этого цветочного плена, словно манекен, смилившийся со своей участью, и смотрела на девушку в огромном, от пола до потолка, зеркале в золоченой раме. Зеркало было старым, с легкой амальгамной рябью по краям, и от этого отражение казалось немного зыбким, нереальным, будто она смотрела на саму себя из другого времени.

Девушка в зеркале была красивой — этого не отнять. Платье, выбранное мамой после долгой, изнурительной осады, длившейся почти месяц и сопровождавшейся десятка-

ми примерок, кипами каталогов и бесконечными спорами, сидело безупречно. Оно струилось вниз невесомым облаком итальянского шелка и тончайшего брюссельского кружева ручной работы, того самого, на котором мама настаивала с особенным пылом, утверждая, что «настоящая невеста не может экономить на кружеве, это же лицо свадьбы». Тонкие, почти невидимые бретели, расшитые микроскопическим жемчугом, деликатное декольте, подчеркивавшее изящные ключицы, шлейф длиной в два с половиной метра, который в этот самый момент заботливо расправляла на паркете портниха — немолодая женщина с вечно поджатыми губами и булавками во рту, похожими на серебристые усики какого-то странного насекомого. Идеальная невеста из идеального свадебного каталога. Картинка, сошедшая со страниц журнала для безупречных женщин. Только вот глаза... В них, вопреки всей этой белоснежной красоте, застыло что-то отстраненное, почти испуганное. Выражение, которое никак не вязалось с образом счастливой новобрачной. Так смотрит птица, залетевшая в комнату и вдруг осознавшая, что окно, через которое она влетела, бесследно исчезло.

— Боже мой, Алиса, это просто сон! — Вера, подруга и по совместительству свидетельница, замерла у окна с бокалом шампанского, который она приканчивала, кажется, уже третий по счету с самого начала примерки. Вера вообще относилась к шампанскому с философским спокойствием, считая,

что игристое — не алкоголь, а «витамины радости», и пила его по любому поводу, а уж чужой свадебный переполох давал ей для этого безграничные возможности. — Ты такая... такая правильная. Марк просто остолбенеет. У него дар речи пропадет, гарантирую. А учитывая, что Марк — юрист, и каждое его слово на вес золота в буквальном смысле, это будет стоить дорого. Представляю его лицо. Он снимет очки, протрет их платочком, снова наденет и скажет своим фирменным тоном: «Алиса, ты выглядишь весьма презентабельно». И это будет высшая степень его эмоционального потрясения.

Алиса заставила себя улыбнуться. Уголки губ послушно дрогнули, приподнялись ровно настолько, насколько требовали приличия, но улыбка вышла какой-то стеклянной, неживой, словно нарисованной акварелью на фарфоровой кукле. Она попыталась представить лицо Марка. Его спокойные серые глаза за очками в тонкой титановой оправе — он выбирал их полгода, изучая эргономику и соотношение цены и качества. Аккуратную бородку, которую он отрастил исключительно потому, что она как-то сказала, что ему пойдет легкая небритость, и он немедленно разработал график ухода за растительностью на лице, включив в него специальное масло, триммер с пятью насадками и еженедельный визит к барберу по четвергам в 18:00. Как он застынет в проходе, увидев ее, идущую к алтарю, и в его взгляде, за стеклами

очков, будет обожание, нежность, тихая гордость и, конечно, глубокое удовлетворение от того, что всё идёт по плану. Ведь Марк всегда и всё планирует. Даже свои эмоции. Даже восхищение. Оно у него дозированное, как лекарство, и никогда не выходит за рамки предписанной нормы.

— Всё хорошо, — тихо сказала Алиса, обращаясь больше к собственному отражению, чем к подруге. Голос прозвучал глухо, будто из-под толщи воды. — Просто немного душно. И платье немного... тесное.

— Тесное? — Вера мгновенно оказалась рядом, чуть не расплескав шампанское на белоснежный шелк. Портниха метнула в нее убийственный взгляд, полный такого концентрированного возмущения, что им можно было бы стерилизовать медицинские инструменты. — Где тесное? Ты шутишь? Ты же похудела на нервной почве перед свадьбой на полтора размера! Я вчера видела твои ключицы — они теперь торчат, как два лезвия. Хотя какая нервная почва, спрашивается? Марк у тебя — просто эталон спокойствия. С ним, как за каменной стеной. Ноль сюрпризов, сплошная уверенность в завтрашнем дне. Ты же сама говорила, что после всего пережитого тебе нужна именно стабильность. И вот она, твоя стабильность — в лице мужчины, у которого расписан маршрут до пенсии и дальше.

Вот именно. Ноль сюрпризов. Эта мысль пульсировала в голове, как заноза, которую Алиса старательно пыталась игнорировать последние несколько месяцев. Она загоняла ее поглубже, прятала за чередой приготовлений, за выбором меню и торта, за обсуждением пригласительных и рассадки гостей. Но иногда, особенно по ночам, когда Марк уже спал, отвернувшись к стене, и дышал ровно и размеренно, как метроном, эта мысль выползала из своего укрытия и начинала скрестись где-то под сердцем. Спокойное море. Надежный фрегат. Марк был именно таким — человеком-крепостью, человеком-планом, человеком, в жизни которого не было места для хаоса. Он не опаздывал на свидания (ни разу за три года), не забывал про годовщины (всегда дарил именно то, что она заказывала в вишлисте, предусмотрительно составленном и разосланном за месяц), и всегда знал правильные ответы. Когда он делал предложение — в дорогом ресторане на двадцать седьмом этаже с панорамным видом на ночной город, с кольцом от Тиффани, которое идеально подошло по размеру, потому что он заранее измерил ее палец, пока она спала, — Алиса расплакалась. Слезы текли по щекам, смешиваясь с дорогим шампанским, и она сама не поняла, были ли это слезы счастья или слезы облегчения. Облегчения от того, что наконец-то закончились эти бесконечные поиски, метания, неопределенность. Она нашла «того самого», идеального мужчину для создания идеальной семьи, того, кого одобрила мама, кого уважали ее коллеги, с кем можно было

строить будущее без оглядки на вчерашний день. Так говорила мама, с облегчением выдыхая после ее бурного романа с Данилой: «Ну наконец-то, доченька, ты взялась за ум». Так писали в глянцевого журналов, которые она листала в салонах красоты. Так она убеждала самую себя каждое утро, глядя в зеркало и повторяя, как мантру: «Я счастлива. Я сделала правильный выбор. Это то, что мне нужно».

— Знаешь, — Вера заговорщически понизила голос, пока портниха отошла в дальний угол за новыми булавками, — я где-то читала в каком-то дурацком психологическом блоге, что невесты делятся на два типа. Одни до свадьбы места себе не находят, переживают, плачут по ночам, с ума сходят от любви, пишут жениху стихи в ватсап. А другие — спокойны, как удавы. Типа, потому что они приняли правильное, взвешенное решение и теперь наслаждаются результатом. Так что ты, Алиска, — просто образец мудрой женщины. Ты у нас одна такая, рассудительная. Прямо МВА, а не невеста.

«Образец мудрой женщины». Звучало как приговор. Как надгробная плита. Как статуя, высеченная из холодного мрамора здравого смысла и выставленная на всеобщее обозрение в парке образцово-показательных отношений. Алиса перевела взгляд на свои руки, безжизненно лежащие на плоском, тренированном пилатесом животе. Маникюр был иде-

ален — нежно-розовый френч, покрытый матовым топом, безупречный выбор для безупречного дня. Она рассматривала свои пальцы, тонкие, с аккуратными лунками, и думала о том, как странно устроена жизнь. Ее руки выглядели точно так же, как вчера, как месяц назад. Но через две недели на безымянном пальце появится кольцо, и эти руки официально станут руками замужней женщины. Изменится ли что-то внутри? Она не знала. Всё в ее жизни за последние три года стало таким — безупречным и предсказуемым. От завтраков из авокадо и безглютеновых тостов, которые Марк готовил строго по рецепту из «ЗОЖ-приложения», до отпусков на проверенных курортах с лучшим дайвингом, который он методично оценивал по десятибалльной шкале и записывал в специальную таблицу в айпаде. Даже секс у них был... запланированным. Нежным, заботливым, гигиеничным, но каким-то стерильным, лишенным спонтанности, дикости, животной страсти. Без ссор, без диких импульсов, без желания укусить, ударить, разорвать в клочья, а потом собрать по кусочкам, дрожащими руками. Без того щемящего чувства, когда смотришь на спящего рядом человека и понимаешь, что если он сейчас исчезнет, то мир просто перестанет вращаться.

Перед глазами на секунду вспыхнула совсем другая картина. Три года назад. Закат на заброшенной стройке где-то на Васильевском острове, пахнувший свежей краской, строи-

тельной пылью и дешевыми сигаретами, которые они курили на двоих. Внизу, далеко-далеко, дребезжали трамваи и гудел вечерний город, а они сидели на самом краю бетонной плиты, свесив ноги в пустоту, и смотрели, как солнце медленно погружается в серую воду залива. И лицо напротив — с острыми скулами, яростными зелеными глазами и вечной трехдневной щетиной, царапавшей кожу при поцелуях. И голос, низкий, вибрирующий, пробирающий до самых костей: «Лиса, ты боишься? Мы стоим на краю. В буквальном смысле. Но только там, на самом краю, и чувствуешь, что жив. В безопасности нет жизни, Лиса. В безопасности есть только существование. А я хочу, чтобы ты жила». Она мотнула головой, прогоняя наваждение. Это было в прошлой жизни. В жизни, которую она перечеркнула, сожгла дотла и развеяла пепел по ветру. Которую она вырвала из себя, как вырывают больной зуб — с мясом, с кровью, но без анестезии, чтобы запомнить навсегда.

— Алис? — Вера помахала рукой у нее перед глазами. — Ау! Ты где витаешь? У тебя такое лицо, будто ты сейчас увидела призрак. Я говорю, мама звонила, спрашивала про цветы в арку. Будут пионы или гортензии? Потому что флорист говорит, что гортензии в этом сезоне уже не очень свежие, а пионы привезут из Голландии, но это плюс пятнадцать процентов к смете.

— Пионы, — машинально ответила Алиса. — Конечно, пионы. Мама сказала, что гортензии — это для деревенской свадьбы в стиле «рустик», а у нас элегантная классика.

— Ну да, ну да, — закивала Вера, делая очередной глоток. — Пионы так пионы. Как скажешь. Слушай, а давай после примера махнем в наше любимое кафе? Помнишь, то, на набережной, где варят самый вкусный раф в городе? Последний холостяцкий пирог перед тем, как ты официально станешь миссис Идеальность и перестанешь есть глютен ради сохранения семейного бюджета.

Алиса хотела отказаться. У нее был расписан каждый час: через сорок минут встреча с организатором, затем подтверждение меню для банкета (дилемма между сибасом и дорадо до сих пор не была решена), потом звонок фотографу, который вдруг решил, что его стиль — «кинематографичный реализм», и это требует удвоения гонорара. Но слово «набережная» вдруг отозвалось глухой болью в груди. Или не болью? Скорее, спазмом. Резким, коротким спазмом свободы, которую она когда-то чувствовала именно там. Набережная Макарова, набережная Лейтенанта Шмидта, бесконечные питерские набережные, по которым они бродили ночами напролет. Она согласилась. Сама не зная зачем. Просто потому что вдруг остро, почти физически захотелось глотнуть морского воздуха, услышать крики чаек, увидеть серую,

неприветливую воду.

Через час, переодевшись из облака шелка в простые джинсы и мягкий кашемировый свитер цвета топленого молока, Алиса сидела за столиком у окна в небольшой кофейне на набережной Макарова. Кофейня была старой, с облупившейся бирюзовой краской на оконных рамах и деревянными столами, покрытыми патиной времени. Здесь всегда пахло свежемолотым кофе, корицей и почему-то старыми книгами, хотя книг в заведении не было. За окном, прямо за парашетом, серой бесконечной гладью раскинулась Нева, переходящая в залив. Сезон штормов еще не начался, и вода была подозрительно тихой, почти маслянистой, словно затаившей дыхание перед чем-то грандиозным и разрушительным. Тяжелое октябрьское небо висело низко, касаясь вершук кранов на верфях, и в воздухе разливался тот особенный промозглый холод, который свойственен только питерской осени — он не пробирает до костей, а как-то исподволь, медленно заползает под одежду.

Вера щебетала о чем-то, листая ленту в Инстаграме и периодически зачитывая вслух новости из жизни общих знакомых, но Алиса ее не слушала. Она маленькой серебряной ложечкой медленно мешала капучино, рисуя на плотной молочной пенке бессмысленные узоры, и неотрывно смотрела на линию горизонта — туда, где вода встречалась с небом, те-

ряясь в дымке. Точка невозврата. Марк очень любил это выражение. В юриспруденции это означало момент, после которого сторона не может отказаться от принятых обязательств без серьезных санкций. В авиации — рубеж на взлетно-посадочной полосе, после которого самолет уже не может затормозить и вынужден взлететь, даже если что-то пошло не так. Момент, после которого нельзя повернуть назад, не потерпев крушение. Её личная точка невозврата была ровно через две недели. Суббота, 15:00, Центральный ЗАГС на Английской набережной — тот самый, с мраморными колоннами и бархатными портьерами, в котором регистрировали свои браки все ее институтские подруги. После этого — официально миссис Градова. Алиса Градова. Красиво, подумала она в сотый раз. Благородно. Звучно. Похоже на фамилию английской писательницы или хозяйки литературного салона. И в то же время — скучно. Ужасно, убийственно, беспросветно скучно.

Именно в этот момент, когда в голове у нее эхом прокатилось слово «скучно» — и она даже внутренне содрогнулась от собственной неблагодарности, — дверь кофейни с резким, пронзительным звоном латунного колокольчика распахнулась. Внутри ворвался порыв сырого октябрьского ветра, заставив задрожать пламя свечей на столах и взметнув в воздух бумажные салфетки. Алиса машинально повела плечами от холода, но головы не подняла. Зачем? Мало ли

кто заходит в кофейни в три часа дня в будний день? Город полон людей, все они куда-то спешат, кого-то ищут, от кого-то бегут. Но Вера, сидевшая напротив и как раз допивавшая свой третий бокал просекко (да, она заказала и сюда, потому что «какая разница, где пить, главное — с кем»), вдруг поперхнулась игристым, закашлялась, и ее глаза, подведенные модным *smokey eyes*, стали размером с чайные блюдца.

— Ох, ни фиги себе, — выдохнула она, судорожно вытирая губы льняной салфеткой и не сводя с кого-то взгляда. — Алиса, только не оборачивайся. Серьезно. Просто сиди и смотри на меня. Давай поговорим о чем-нибудь прекрасном. О пионах. Или о Марке. Или о пионах Марка.

Конечно, после такой фразы не обернуться было невозможно. Это сродни фундаментальному закону человеческой психологии — как нажать на красную кнопку с крупной надписью «Ни в коем случае не нажимать». Алиса медленно, словно преодолевая сопротивление толщи воды или вязкого киселя, повернула голову в сторону барной стойки. И в ту же секунду весь мир вокруг неё схлопнулся, сжался до размеров маленького пузыря, в котором не осталось ни воздуха, ни времени, ни пространства. Только она и человек, стоящий в десяти шагах.

Он ничуть не изменился. Абсолютно. Катастрофически.

Те же темные волосы, непослушные, взъерошенные ветром и влажные от мороси — он никогда не носил шапку, даже в минус двадцать, говорил, что ему «жарко жить». Та же наглая, чуть кривоватая усмешка, от которой у нормальных, психически здоровых женщин должен немедленно включаться инстинкт самосохранения и уносить их куда подальше. Та же черная кожаная куртка, потертая на локтях до светлой замши, с царапиной на плече — памятью о каком-то их безумном падении с велосипеда в Павловском парке. И неизменный красный шнурок на запястье, выцветший, истрепанный — тот самый, который она завязала ему собственноручно тысячу лет назад. Высокий, поджарый, с той особенной, пружинистой грацией хищника, которая бывает у уличных танцоров или бойцов. Опасный. Олицетворение всего того хаоса, который она выжигала из своей жизни каленым железом, по капле, в течение трех лет терапии, медитаций и построения «здоровых отношений». Данила. Данила Соболев. Человек-катастрофа. Ее личная, персональная, самая разрушительная и незабываемая катастрофа.

Он стоял, облокотившись на стойку красного дерева, и что-то негромко говорил бариста — молоденькой девушке с розовыми волосами, которая смотрела на него с тем характерным обожанием, которое он всегда вызывал у женщин, независимо от их возраста и социального статуса. Его низкий, обволакивающий голос, вибрацию которого она, каза-

лось, узнала бы из тысячи, даже из миллиона, долетал до неё обрывками, неразборчивый, но до боли, до ломоты в костях знакомый. Она не слышала слов, но слышала этот тембр — глубокий, с легкой хрипотцой, будто он только что проснулся или много курил. Или пел под гитару на закате, сидя на ступеньках их съемной квартиры на Мойке. И от этого тембра всё внутри неё сжалось в тугую, болезненный, пульсирующий узел, перекрыв дыхание. Ноги стали ватными, неспособными держать тело. Хорошо, что она сидела. Хорошо, что стул был крепким, деревянным, надежным. Хорошо, что Вера была рядом — островок реальности в этом внезапном потоке воспоминаний.

— Вот это встреча, — прошептала Вера, не сводя с Данилы испуганно-восторженного взгляда, в котором смешались ужас узнавания и жгучее любопытство. — Он что, из своего Таиланда вернулся? Или с Бали? Куда он там уехал — покорять волны, искать просветление или продавать картины хиппи? Алиса, ты как? Ты ужасно побледнела. Только не вздумай падать в обморок, здесь паркет холодный и все будут смотреть. Дыши. Давай, вдох-выдох. И еще раз.

Но Алиса не слышала. Она не могла оторвать взгляда от его рук. Длинные, нервные пальцы с вьёвшейся под ногти темной краской — смесью масла и акрила, которую невозможно отмыть до конца никаким растворителем. Он что,

снова рисует? После всего? После того, как она ушла, и он, по слухам, разбил все свои холсты, разорвал все рисунки и улетел куда-то в Азию, сказав общим знакомым, что «искусство умерло вместе с любовью»? Она помнила эти пальцы — как они держали кисть, как скользили по клавишам старого расстроенного пианино в их гостиной, как касались ее лица в темноте, изучая каждый изгиб, словно он запоминал ее на ощупь для какой-то невероятной, еще не написанной картины. Внутри что-то дрогнуло. Нет, не дрогнуло — треснуло. Треснула та самая идеальная броня, которую она так старательно возводила три года. Воспоминания, которые она годами методично, как архивариус-садист, складывала в самый дальний, темный чулан подсознания, запирала на амбарный замок и заколачивала досками, начали вырываться наружу, срывая петли, ломая доски, вышибая замки.

Она вспомнила ночь их знакомства. Это было в начале мая, когда город уже не спит, а впадает в какое-то белое, прозрачное забытие. Гроза, каких она не видела никогда в жизни — молнии раскалывали небо пополам, гром сотрясал старинные стены. Ливень обрушился на город сплошной стеной, затопив тротуары, и электричество отключилось во всем районе. Алиса, тогда еще глупая двадцатидвухлетняя студентка журфака, промокшая до нитки, в легкомысленном летнем платье, которое прилипло к телу второй кожей, ворвалась в подъезд своего приятеля-художника. Она

долго жала на кнопку звонка, но тот, видимо, не слышал из-за грозы. И тут в пролете второго этажа вспыхнул огонек зажигалки, а потом — оранжевый глазок сигареты. Он стоял там, в темноте, привалившись к стене, как единственный источник света во всем мире. «Ты чего такая мокрая, Лиса? Заблудилась в трех соснах? Иди сюда, грейся. Только осторожно, тут ступенька скрипит, как душа грешника». И его куртка, тяжелая, пахнувшая масляной краской, скипидаром и табаком, которую он накинул ей на плечи, не спрашивая разрешения. И его глаза, которые даже в крошечной тьме, казалось, излучали собственный зеленый свет.

Она вспомнила тот год. Год абсолютного, всепоглощающего безумия. Год, который не делился на дни недели — понедельник и четверги не имели никакого значения. Он делился только на эмоции, и эмоции эти были такими сильными, такими запредельными, рвущими душу в клочья, что любое «спокойствие» казалось по сравнению с ними бледной тенью жизни. Ссоры, от которых дрожали стены их крошечной съемной квартиры на Мойке и соседи стучали по батареям, примирения, от которых, казалось, вибрировала сама вселенная и звезды меняли свои орбиты. Его картины — огромные, мрачные, гениальные, — которые никто не покупал, и ее скромная зарплата редактора в заштатном глянце-вом журнале, которой они каким-то чудом питались. Спагетти с кетчупом на ужин при свечах (потому что электричество

снова отключили за неуплату), и бутылка дешевого шампанского, украденная по пьяни из супермаркета на углу, чтобы отпраздновать его первую, совершенно неожиданную продажу — какому-то иностранцу понравилась его работа в уличной галерее. Он называл её своей музой, своей бедой, своим проклятием, своей единственной любовью. Он мог исчезнуть на три дня, уйти в запой, не отвечать на звонки, а потом вернуться на рассвете с охапкой полевых ромашек, украденных с чьей-то дачи, и на коленях, посреди захламленной комнаты, читать ей Есенина, срывая голос до хрипоты. С ним никогда не было спокойно. Ни одной минуты. Ни одной секунды. С ним было страшно, больно, сладко, невыносимо, унижительно, возвышенно. С ним она чувствовала, что живет — каждой клеточкой, каждым нервом, каждым вдохом. До дрожи, до крика, до звезд в глазах, до желания убить его и тут же умереть самой.

А потом случился тот день. День, который разделил ее жизнь на «до» и «после». День, когда она ушла. Ушла не потому, что разлюбила — о нет, именно потому, что любила слишком сильно, до самоуничтожения. Ушла, потому что поняла: на таких американских горках невозможно построить семью, невозможно родить детей, невозможно состариться вместе. На таких горках можно только разбиться. И когда ей потребовалась его поддержка — настоящая, мужская, человеческая, — после страшной аварии, в которой по-

гиб их общий друг, он просто исчез. Растворился, испарился, не отвечал на звонки, а через неделю она сама нашла его в мастерской — пьяного, грязного, небритого, окруженного десятками ее портретов. Они стояли повсюду — на мольбертах, на стульях, на полу. Десятки Алис, написанных в иступленной, дикой, экспрессионистской манере, с искаженными чертами и глазами, полными такой боли, что смотреть на них было невыносимо. «Я не могу, Лиса, — прошептал он тогда, глядя сквозь нее мутными, воспаленными глазами. — Я не могу быть тем, кем ты хочешь меня видеть. Я не опора. Я не стена. Я хаос. Я смерч. Я сметаю всё на своем пути, и ты это знаешь. Беги от меня. Спасайся. Пока я не уничтожил и тебя». И она сбежала. Собрала вещи в старую спортивную сумку, пока он спал мертвецким сном, и уехала к маме, в пригород. Через месяц, на каком-то скучном корпоративе, куда ее затащила Вера, она познакомилась с Марком. Спасительным, понятным, стабильным, предсказуемым Марком. И началась новая жизнь. Жизнь без цунами, без штормов, без девятибалльных встрясок. Жизнь, в которой все было по плану.

И вот теперь цунами собственной персоной стояло в десяти шагах, небрежно забирая с барной стойки картонный стаканчик с черным кофе. Черный, без сахара, самый крепкий — как всегда. Алиса молилась лишь об одном — всем известным и неизвестным богам, в которых никогда не ве-

рила, — чтобы он ушел, не заметив ее. Просто взял свой кофе, развернулся к двери и вышел обратно в осеннюю морось. Она попыталась стать невидимкой, вжаться в стул, слиться со стеной, раствориться в интерьере кофейни. Но вселенная, похоже, решила иначе. У вселенной вообще отвратительное чувство юмора, подумала Алиса. Данила взял стакан, повернулся к выходу, сделал два шага — и вдруг замер, как гончая, почуявшая дичь. Его взгляд, до этого рассеянно скользивший по залу, наткнулся на нее.

На один бесконечно долгий, невыносимый миг время остановилось. Алиса увидела, как расширились его зрачки — зеленые, с теми самыми золотыми, янтарными крапинками, которые она так хорошо помнила, которые ей иногда до сих пор снились в особенно тоскливые ночи. Как дернулся кадык на его шее, когда он судорожно сглотнул. Как нервно сжались пальцы на стаканчике, так что картон едва не лопнул. Усмешка сползла с его лица, исчезла, как по волшебству, обнажив на короткую, незащищенную секунду что-то совершенно иное — острое, неприкрытое, болезненное. Удивление, смешанное с неверием. Боль, старая, застарелая, которую, как он думал, он давно похоронил на другом континенте. И жажда. Мгновенная, животная, неутолимая жажда, которую он, кажется, сам от себя не ожидал. Всё это смешалось в один убийственный коктейль, который он тут же попытался спрятать за привычной, наглой маской иронии. Но

она успела это увидеть. Успела считать эту секунду, это обнажение. И от этого ей стало еще страшнее. Страшнее, чем если бы он просто прошел мимо.

Он медленно, словно хищник, приближающийся к добыче, и наслаждающийся ее смятением, направился к их столику. Каждый его шаг по скрипучим половицам отдавался у нее в висках гулким, пугающим эхом, как шаги командора. Вера замерла, вцепившись в ножку своего бокала так, словно это был рычаг катапульты, и кажется, даже дышать перестала.

— Алиса, — произнес он, остановившись в полуметре. Его голос был именно таким, как она помнила — низким, с легкой хрипотцой, будто его обладатель только что проснулся или выкурил пачку сигарет. Или пел под гитару на закате, сидя на ступеньках их старого дома. — Вот так встреча. Не думал, что ты бываешь в таких... приличных местах. Мне казалось, твой формат — что-то более богемное. Или теперь ты другое кино смотришь?

Его взгляд — острый, цепкий, оценивающий — прошелся по ее аккуратно уложенным волосам (раньше они вечно торчали в разные стороны), по дороговому кашемировому свитеру (раньше она носила его растянутые свитера и рваные джинсы), по пустому запястью, где раньше болталась целая коллекция фенечек и браслетов из бисера. Он усмехнулся, но

усмешка вышла дерганой, неловкой, совсем не той, что была минуту назад. За этим наигранным спокойствием плескалось что-то темное и невысказанное.

— Здравствуй, Даня, — с трудом выдавила она, удивляясь тому, как ровно и безжизненно звучит ее голос. Внутри же всё кричало, выло, билось в истерику. Внутри рушились стены, ломались перекрытия, и целые миры уходили под воду. — Я тоже рада тебя видеть.

— Рада? — он иронично приподнял одну бровь и перевел взгляд на Веру, которая нервно крутила в пальцах ножку бокала, готовая, кажется, запустить им в незваного гостя. — Судя по лицу твоей боевой подруги, вы тут готовитесь к поминкам, а не к радостным встречам. Она смотрит на меня так, будто я сейчас достану топор и начну крушить мебель. Расслабься, Вера. Я сегодня без топора.

Вера побледнела, потом покраснела, но ничего не ответила.

— У Алисы свадьба через две недели, — вдруг громко и отчетливо произнесла она, и в ее голосе прозвучал отчаянный, звенящий вызов. — Она выходит замуж. За прекрасного человека. Так что у нас не поминки, а, можно сказать, девичник. Прощальный.

Алиса готова была убить подругу. Задушить голыми руками, закопать под ближайшей скамейкой и станцевать на могиле. Зачем? Зачем нужно было это говорить? Это была ее тайная крепость, ее новая жизнь, которую она теперь чувствовала абсолютно беззащитной, уязвимой, голой перед этим человеком. Данила медленно перевел взгляд на нее, и в его глазах что-то неуловимо изменилось. Ирония исчезла, улетучилась, как дым, уступив место чему-то холодному, стальному, оценивающему. Словно он вдруг увидел перед собой не женщину, которую когда-то любил, а математическую задачу, требующую немедленного решения.

— Свадьба? — переспросил он, пробуя это слово на вкус, как пробуют незнакомое блюдо, заведомо ожидая, что оно окажется горьким. — Поздравляю. Искренне поздравляю. И кто же этот счастливчик, которому достался главный приз? Какой-нибудь банкир с Уолл-стрит? Или адвокат с портфелем из крокодиловой кожи? Уверен, у него всё в порядке с графиком жизни, с кредитной историей, с генетическими анализами до седьмого колена. Всё то, чего ты всегда хотела.

— Это прекрасный человек, — тихо, но твердо сказала Алиса, чувствуя, как к щекам приливает горячая, лихорадочная кровь. — Самый лучший. Надежный, заботливый, любящий. Всё то, чего ты никогда не мог мне дать. Даже в

малой дозе.

Она сама не ожидала от себя этой резкости, этой жестокости, прицельной точности. Слова вырвались раньше, чем она успела их обдумать, — острые, как лезвие, и такие же безжалостные. Данила слегка отшатнулся, словно от пощечины. На его скулах мгновенно заиграли желваки, а в глазах промелькнула тень той самой боли, которую она видела секунду назад. Он помолчал, глядя ей прямо в глаза своим пугающе-пронзительным, гипнотическим взглядом, от которого у нее всегда перехватывало дыхание.

— Надежный? Заботливый? — медленно, по слогам повторил он, словно перекачивая во рту стеклянные шарики. — Звучит как описание породистого лабрадора, а не мужика, от которого у женщины по ночам должны дрожать колени от одной мысли. Лиса, Лиса... Ты себя-то не обманывай. За этими твоими «правильными», глянцевыми словами — «надежный», «заботливый», «стабильный» — я не слышу ни одной живой эмоции. Вообще ни одной. Как с роботом разговариваю. Как с очень качественной, дорогой имитацией человека. Где та Алиса, которая рыдала над «Тремя товарищами» Ремарка? Где та, которая могла в три часа ночи сорваться и поехать на залив встречать рассвет на велосипеде? Где та, которая танцевала под дождем босиком на Дворцовой, пока нас не забрала полиция?

Он приблизился почти вплотную — настолько, что она почувствовала запах. Не тот стерильный, лаконичный парфюм Марка, сдержанный и дорогой, пахнувший кедром и сандалом. А запах Данилы — сложный, многослойный, пьянящий. Горьковатый кофе, смешанный с сырой осенней листвой, осевшей на его куртке, с едва уловимым шлейфом сигаретного дыма и чем-то еще, неуловимым и будоражающим — запахом свободы, риска, неизвестности. Этот запах ударил в голову, как наркотик, как первая затяжка после долгого воздержания, мгновенно пробуждая дремавших глубоко внутри демонов. Алиса почувствовала, как предательски задрожали колени, как закружилась голова, как заныло где-то в солнечном сплетении.

— Ты можешь выходить замуж хоть за Папу Римского, хоть за президента корпорации, хоть за греческого миллиардера, — тихо, почти шепотом, так, чтобы слышала только она, проговорил он, наклонившись к самому ее уху. Его дыхание обожгло ей кожу, и по телу пробежала дрожь, которую она никак не могла контролировать. — Но ты и я — мы оба знаем, что такие, как мы, в тихой гавани долго не живут. Это закон природы, детка. Нас не спрашивают, чего мы хотим. Нас просто тянет в открытое море — туда, где шторма, рифы, опасность и неизвестность. Где нет дна под ногами и не видно берегов. Ты можешь надеть сто идеальных платьев

и выучить тысячу правильных, социально одобряемых слов. Можешь завести карточку постоянного клиента в йога-студии и питаться авокадо. Но глаза, Лиса... Глаза у тебя всё те же. Глаза человека, который стоит на самом краю обрыва и больше всего на свете боится только одного — что его не толкнут. Не дадут ему повода прыгнуть.

Он резко выпрямился, вновь нацепив на лицо свою наглую, беспечную усмешку, словно маску, за которой ничего нет. Но она уже знала — за ней есть всё. Слишком много всего.

— Ладно, счастливо оставаться, миссис Почти Градова. Наслаждайся пионами и меню из сибаса. Передавай привет своему... лабрадору. Надеюсь, он хорошо выполняет команду «рядом».

Он бросил на Веру короткий, ничего не выражающий взгляд, кивнул и, не оборачиваясь, направился к выходу — той же пружинистой, чуть ленивой походкой, от которой у нее когда-то замирало сердце. Латунный колокольчик снова звякнул, впуская в кофейню порцию холодного, сырого воздуха. И в этом звуке — резком, пронзительном, финальном — Алисе послышался звон треснувшего стекла. Или льда. Или хрустального шара, в котором она так бережно хранила свою спокойную, налаженную жизнь.

Она сидела, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд от двери, за которой исчез Данила. Все звуки кофейни — уютное жужжание кофемашины, приглушенные разговоры посетителей, тихий стук фарфоровых чашек, шипение молочной пенки — слились в один неразборчивый, вязкий гул, словно она оказалась под водой. Ее сердце колотилось где-то в горле, заглушая всё остальное. Ладони вспотели, несмотря на холод. В голове царил полный хаос — обрывки его фраз, смешанные с осколками воспоминаний, кружились в бешеном хороводе, не давая сосредоточиться.

— Ну и тип, — нервно выдохнула Вера, допивая остатки просекко прямо из горла, наплевав на приличия. — Просто бестактный, наглый, невоспитанный хам. Как был отмороженным, так и остался. Ты не обращай внимания, Алиска. Мало ли что он там несет. Он всегда умел запудрить мозги и наговорить красивых слов. Это его работа — он же художник. А по сути — ноль без палочки. Пустое место. Просто исчезни, забудь, сотри, как страшный сон.

Но Алиса не могла «просто забыть». Его слова, словно отравленные дротики, смоченные ядом кураре, попали точно в цель — в то самое потаенное место, о существовании которого она и сама почти забыла. «Глаза у тебя всё те же. Глаза человека, который стоит на краю». Она снова посмот-

рела в окно. На море. На залив. Только что, буквально полчаса назад, вода была спокойной, почти зеркальной, лениво лизавшей гранитный парапет. Теперь же по ее свинцовой поверхности пошла легкая, едва заметная рябь. Ветер переменялся — задул с моря, порывистый, резкий, несущий в себе смутную угрозу. Она увидела, как вдалеке, над самым горизонтом, где вода встречается с тяжелым небом, начали собираться тучи — пока еще легкие, полупрозрачные, почти невесомые, но они сгущались с каждой минутой, наливались темной, грозовой синевой.

Точка невозврата. Она всегда думала, что прошла ее три года назад — в тот самый момент, когда закрыла за собой дверь их квартиры на Мойке, оставив спящего Данилу одного среди десятков ее портретов. Думала, что новая точка — это алтарь, клятвы в вечной любви, обручальное кольцо и подпись в книге регистрации. Но сейчас, сидя в этом простом деревянном кресле, ощущая, как бешено колотится сердце, как предательски дрожат пальцы, как ее наполняет давно забытое, пугающее и одновременно пьянящее чувство — смесь ужаса, восторга и предвкушения, — она поняла страшную в своей ясности вещь. Точка невозврата была здесь. Сейчас. В эту самую секунду, в этой кофейне, в этом запахе кофе, в этом звоне колокольчика, в этом хрипловатом «Лиса».

Её жизнь, еще вчера такая выверенная до миллиметра,

походила на идеальный, ослепительно-белоснежный лайнер. Он был не просто кораблем — он был триумфом инженерной мысли, непотопляемым воплощением покоя, плывущим по ласковому, изученному до последней глубинной впадины морю. Маршрут был проложен раз и навсегда, карты выверены, а навигационные приборы настроены на безупречный сигнал. Пункт назначения сиял на горизонте манящим, гарантированным золотом — тихая бухта с гордым именем «Счастливое Замужество». Каждый день в этом плавании был похож на предыдущий: легкий бриз, чарующий закат и уверенность в том, что завтра снова взойдет солнце, а вода останется спокойной.

Сегодня эта аксиома дала трещину. Корабль, который, казалось, мог выдержать любой девятый вал, вдруг дрогнул. Это был почти неуловимый, предательский крен. Она не столько услышала, сколько ощутила этот звук каждой клеточкой своего внезапно похолодевшего тела — где-то глубоко в утробе судна, в самых нижних отсеках трюма, хрустнула обшивка. Один-единственный, сухой и острый щелчок, похожий на выстрел стартового пистолета, возвещающий начало совсем другой гонки. Пока еще тихий, почти неслышимый, но несущий в себе потенциал оглушительной, всепоглощающей катастрофы.

Тихая гавань Марка, которая еще вчера была ее вселен-

ной, вдруг подернулась рябью отчуждения. Его бесконечное, обволакивающее тепло, его надежность, монументальная, как скала, его предсказуемая, убаюкивающая забота, в которой не было места штормам, — всё это в один миг показалось бесконечно, чудовищно далеким. Словно она смотрела на свое счастье через оптику перевернутого бинокля: изображение было все еще красивым, правильным, выверенным, но убийственно маленьким и чужим. Это была не ее жизнь. Это была чья-то чужая, скучная, безупречно написанная история, в которой ей больше не хотелось быть даже читателем.

А прямо по курсу, затягивая горизонт и поглощая последние лучи здравого смысла, сгущалась та самая, легендарная аномалия. Темная материя чувств. Роковая воронка, в которой перемалываются судьбы, а осколки прошлого всплывают без предупреждения.

Бермудский треугольник опасная, мистическая зона, где бессильно замолкают все навигационные приборы разума, где разбиваются о рифы страсти непотопляемые лайнеры и где исчезают без следа целые годы спокойной жизни. Здесь не работают привычные законы морали и самосохранения. Здесь, в этой гулкой, звенящей тишине, приходится полагаться только на древнее, животное чутье, которое громче всех резонов кричит об опасности и... о влечении.

Это был её личный треугольник любви. Сакральная геометрия надвигающейся беды.

В первой его вершине, в основании бывшего штиля, стояла она сама — растерянная, но замороженная.

Во второй — Марк, надежный, как материк, теплый, как летний вечер, и неизменный, как притяжение земли.

А в третьей вершине, возникшей из небытия, словно призрак погибшего фрегата, соткался Данила. Он вернулся из самого сердца шторма, принес с собой запах озона, соли и тревоги.

Она стояла на пороге, на самой границе этой губительной акватории, и чувствовала, как привычная, твердая реальность уходит из-под ног. Она утекала, словно сухой, теплый песок, уносимый ветром сквозь судорожно сжатые пальцы. Мир становился зыбким, обретал вкус соли и опасности.

Но самым страшным в этот миг абсолютной тишины перед бурей было не осознание фатальности момента. Не страх разбиться о быт и потерять всё.

Самым страшным, самым постыдным и самым сокроуенным было другое. Где-то в самой глубине души, в том темном, заповедном, потаенном месте, куда она не позволяла заглядывать даже в полном одиночестве, куда не достигал свет ни одной самой пуританской мысли, она вдруг поняла

простую и разрушительную истину.

Ей это нравится до дрожи, до сладкого, предобморочного замирания сердца, до металлического привкуса на губах хочется сделать этот шаг. Оттолкнуться от края надежности. Шагнуть с обрыва в ревущий шторм. В неизвестность, где нет карт и гарантий. В пьянящий, дикий, первобытный хаос, который обещает не спасение, но жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.